

СЕМЕЙНАЯ ПЕДАГОГИКА

УДК 37.018.1

РОДИТЕЛЬСКАЯ ЛЮБОВЬ КАК УСЛОВИЕ ДУХОВНО- НРАВСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ РЕБЕНКА В СВЕТСКОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ И ТЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ

А.Ю. Зарецкая

Тверской государственной университет

Статья посвящена анализу влияния родительской любви, главным критерием которой выступает безусловность, и аномальных видов родительской привязанности к детям на направленность духовно-нравственного развития личности ребенка, а также вскрывает психологический механизм данного влияния.

***Ключевые слова:** родительская любовь, безусловная любовь, аномалии родительской любви, духовно-нравственное развитие личности ребенка.*

Семья как первый социальный институт в жизни ребенка, транслирующий ему социальные, в том числе моральные, нормы, призвана обеспечить условия его комфортной социализации, психологизируя данные нормы для усвоения их ребенком как собственных, т. е. нравственных. Однако само существование нравственных норм у родителей может базироваться на разных конструктивных и деструктивных духовных основаниях, что обуславливает и направленность самих нравственных норм. При этом конструктивная направленность более желательна, социально одобряема и оказывает более позитивное влияние на духовно-нравственное развитие личности ребенка.

Ключевым условием конструктивной направленности духовно-нравственного развития человека выступает любовь как духовная составляющая, позволяющая удовлетворить собственную личностную потребность любить и быть любимым [12], обеспечивающую в свою очередь удовлетворение потребности в безопасности любимого и потребности самореализации и ощущения значимости любящего.

Безусловно, что ценностные ориентации самих родителей, определяя в первую очередь их отношения как супружеской пары, являются основополагающими и для детско-родительских отношений и отношений между детьми в семье. Так, если супружеская пара связана отношениями любви, то у нее гораздо больше шансов передать своим детям такие же отношения [8, с. 14; 5, с. 199, 250, 251; 15]. Данная закономерность обусловлена, по утверждению Э. Фромма [15],

свойственностью зрелой любви как бытия любому проявлению любви: супружеской, родителей к своим детям, детей к родителям и т.д.

Мы уже неоднократно обращались к определению понятия и свойств любви как педагогической категории [3], [6], [7], характеризующей отношения педагога (в том числе и родителя как педагога) к ребенку, в связи с чем в данной работе без подробных пояснений вслед за теологами профессором Г. Каледой [8] и игуменом Евмением [5] и светскими психологами А. Маслоу [12], Э. Фроммом [15] и А.С. Спиваковской [14] выделим проявления такой любви:

- уважение к любимому;
- знание его потребностей, интересов и стремлений;
- ответственность в свободе выбора заботы о любимом;
- жертвенность как деятельная продуктивная направленность личности;
- сохранение целостной индивидуальности личности;
- исключительность как уникальность - невозможность сравнения или замены любимого и самих отношений с ним.

Вследствие склонности человека любить «не того, кто его любит, а того, о ком он заботится» [8, с. 15] любовь признается искусством, овладеть которым возможно лишь в практике любви [15]. Практика эта заключается во взаимной заботе друг о друге, необходимой вследствие различий способностей и возможностей членов семьи: взаимодополняемости психологии и физиологии мужа и жены и потребности детей в родительской заботе о них [8, с. 15]). Таким образом, следует признать семью призванной быть не только социальным институтом, но и школой любви, жизненного опыта и духовного возрастания [8, с. 49], так как дети, наблюдая любовь между своими родителями, свободно ее выражающими и разделяющими, учатся в собственной семье быть любящими взрослыми [5, с.250], т.е. учатся зрелой (по Э. Фромму [15]) любви.

Зрелая, гармоничная форма любви проявляет себя как творческая, инициативно активная, обеспечивающая условия для личностного роста обоих партнеров [15], несущая радость, помощь, уверенность, свет и добро прежде всего любимому человеку, а не любящему, не приводящая к конфликтам, проблемам или отягощению жизни любимого [5, с.198]. Она выступает как *любовь деятельная – «творчески ответственная жизнеспособность бескорыстно и самостоятельно (то есть автономно, независимо) удовлетворять созидательные потребности собственные и окружающих людей (то есть способность быть жертвенным)»* [3, с.24].

Следует, на наш взгляд, разводить деятельную и «действенную» (по А.С. Спиваковской [14]) любовь. Содержание последней (проявляемое как симпатия, как принятие ребенка, внимание и интерес

к нему; уважение его прав и обязанностей; близость как готовность прийти на помощь, сотрудничество) входит в понимание деятельной любви, при этом исключает ответственность как интегративный показатель.

Что же характеризует истинную любовь родителей к ребенку? В теологической литературе выделяют три характерных признака [5, с.52, 58, 85, 173, 202].

Во-первых, отказ от родительского эгоизма и признание еще только родившегося ребенка уже **отдельной** самостоятельной, а значит живущей собственным образом и имеющей свой собственный путь **личностью**, которая по личностному свойству не есть «я» (родитель) и моей собственностью быть не может, но должна быть воспитана для него самого (ребенка) в соответствии с его природными склонностями и способностями. И хотя, безусловно, родительский статус священен, это не дает права родителям злоупотреблять своими полномочиями и делать детей заложниками родительской любви: требовать от них взаимного уважения и любви.

Во-вторых, осознание призвания родителя как служения детям, как всецелой заботы об их личностном развитии.

В-третьих, **безусловность родительской любви**, т.е. любовь к ребенку и его принятие таким, какой он есть, независимо от его качеств и особенностей, склонностей, достоинств и недостатков, независимо от его поведения и от того, насколько он отвечает ожиданиям родителей и удовлетворяет их потребности.

Как уже отмечалось выше, любовь должна быть деятельной, в связи с чем считаем необходимым отметить проявления любви [4; 5; 13]:

– вербальное выражение (интонации которого считаются ребенком как более достоверная информация, чем содержание слов);

– вселённая родителями в ребенка абсолютная уверенность в их безоговорочной, независимой от его поступков и обстоятельств жизни, любви к нему;

– взаимная забота и милосердие как деятельное проявление безусловной любви;

– «контакт любящих глаз», неосознанно передающий силу любви;

– физический контакт: легкие прикосновения, объятия и поцелуи, *восполняющие душевные силы ребенка*, дающие ощущение значимости как самого важного для родителей человека на свете;

– безраздельное внимание, характеризующееся не формальным количеством времени, **когда внимание родителя безраздельно принадлежит ребенку**, а его качеством как степенью вовлеченности родителей во внутренний мир своего ребенка, позволяющим ребенку

ощущать себя искренне любимым, осознать свою уникальность, особенность, чувствовать заботу, одобрение и уважение родителей, способствующих формированию адекватной самооценки ребенка.

В связи с тем, что рост и самостоятельное развитие здоровой личности прямо пропорционально количеству и качеству любви, ею получаемой, самое главное, что могут дать родители, – достаточная мера любви и эмоциональной поддержки, создающая в семье климат, в котором ребенок чувствует себя всецело любимым самыми близкими в его жизни людьми [5, с. 33]

Для успешного завершения процесса развития психологической автономности человека как основы его духовно-нравственного саморазвития требуется осознание родителями необходимости помощи ребенку в его психологическом отделении от них на определенном этапе его развития как «втором рождении» и следованию для достижения данного результата следующим принципам:

- воспринимать ребенка таким, какой он есть, а не таким, каким бы им хотелось его видеть;

- признавать в нем самостоятельную личность, имеющую свои взгляды, желания и стремления;

- быть способным выразить понимание и поддержку, когда ребенку это понадобится;

- не впадать в отчаяние или депрессию, если ребенок не хочет пользоваться вашей помощью;

- быть примером психологически зрелого человека, открыто выражать ребенку свои собственные чувства;

- не запрещать ему открыто выражать свои чувства, признавать и понимать эти чувства и потребность в их раскрытии;

- поощрять выражение независимых мыслей, чувств и действий (соответственно возрасту ребенка);

- помогать и поощрять действия ребенка, направленные на здоровое исследование окружающего мира, пользуясь словом «да» в два раза чаще, чем словом «нет»;

- уважать желание ребенка самостоятельно изучать окружающий его мир, позволять ему делать это;

- четко определить, что вы запрещаете делать ребенку, и прямо говорить почему, а не прибегать к силовым методам;

- не пытаться прожить жизнь за ребенка [5, с. 85-86].

Предполагая вероятное замечание наших оппонентов о том, что мы придаем слишком большое, преувеличенное значение любви как источнику благополучия ребенка в семье и его духовно-нравственного развития и саморазвития в будущем, отметим, что, по данным современных исследователей, лишение любви – наиболее серьезная

проблема, которую может испытывать ребенок в процессе формирования личности.

Важно отметить при этом два момента: отсутствие безусловной любви имеет негативные последствия как для самих родителей, так и для детей.

Так, родители, воспринимая собственных детей как раздражающую обузу, не могут понять, каковы их отношения с ребенком здесь и сейчас, что нужно делать дальше, не способны научиться правильно общаться с ребенком, удовлетворять его каждодневные потребности и понять, когда им это удастся, а когда не очень, что отличает плохих родителей от хороших [5, с. 93, 202, 203].

Деструктивное же влияние на развитие, в том числе духовно-нравственное, самого ребенка гораздо более угрожающе.

Так, эмоциональная холодность и дистанцированность в супружеских отношениях даже при условии внешнего благополучия семьи и заботы родителей о ребенке создает дефицит эмоционально теплых отношений, обуславливающий неудовлетворенность базовой психологической потребности в чувстве безопасности, что, в свою очередь, рождает тревожность и лишает ребенка возможности наблюдать образец аффективно-положительных искренних отношений любви [9, с. 72].

Дефицит и нарушения родительской любви являются причинами искажений и нарушений развития способности человека любить сначала в детском возрасте – в форме привязанности, – а затем и во взрослом – собственно любви (по данным А. Адлера, Дж. Боулби, Й. Лангмейера З. Матейчек, А. Маслоу, Э.Фромма, К. Хорни, Э. Эриксона [9]): если ребенок сталкивается с низким уровнем материнского принятия или даже отвержением, то в дальнейшем возрастает вероятность возникновения проблем установления эмоциональных связей в отношениях с супругом и собственными детьми. Низкий же уровень принятия ребенка отцом, воплощающим социальные требования, ожидания и оценки ребенка, приводит к формированию чувства неполноценности, неуверенности, низкой социальной компетентности (по А. Адлеру).

Из-за отсутствия любви у детей отмечается отставание от сверстников как в психическом, так и физическом развитии: замедление их эмоционального и умственного развития проявляется в отклонениях в поведении, расстройствах личности, неврозах, психозах и серьезных неудачах, продолжающих наступать и во взрослой жизни.

Отсутствие безусловной родительской любви и принятия препятствует также духовному и личностному росту ребенка, поскольку не позволяет чувствовать себя любимым, создает у него ощущение собственной ненужности и неполноценности, незащищенности,

тревоги, провоцирует возникновение и развитие у него обидчивости, чувства страха, низкой самооценки. А если условием любви выступает соответствие ожиданиям и требованиям родителя, то ребенок обрекается на неудачи в своей жизни, утверждаясь в бесплезности любых стараний быть хорошим, потому что их всегда оказывается недостаточно [5, с. 93, 203, 204].

Не получая сил от такой любви, не восполняя таким образом свои эмоциональные затраты, ребенок не сможет выполнить в жизни свое предназначение, найти свой путь, свой маршрут, свою жизненную миссию и успешно завершить процесс развития психологической автономности, в связи с чем, оставаясь полностью послушными своим родителям в вопросах устройства своей семейной или профессиональной жизни, не будет иметь видения своего будущего и собственных жизненных стратегий. Выросший в отсутствии любви человек, скорее всего, будет искать ее на протяжении всей своей взрослой жизни, зачастую «долюбивая» себя алкоголем или наркотиками, нежели реализовывать заложенный в нем потенциал [5, с. 32, 33].

Причинами недостатка или отсутствия родительской любви, указанными в теологической литературе [5, с. 33, 49, 93], могут быть одна из трех перечисленных ниже или их совокупность:

- неведение или искаженное представление родителей относительно выхода на источник любви – Бога, препятствующее восполнению силой от Источника любви – Господа и приводящее со временем к оскудению родительских сил любви и приобретению ими эгоистических форм (одной из четырех форм привязанностей: собственнической, амбициозной, соблазняющей) или к «обмену ролями» или их сочетанию;

- отсутствие у родителей любви к самим себе в евангельском смысле этих слов, провоцирующее низкий уровень самоуважения и создающее огромные трудности при стремлении дать своим детям любви больше, чем они имеют к самим себе;

- ошибочное убеждение родителей в обязанности детей оправдывать их ожидания, часто становящееся главным поводом для конфликтов при возникновении у родителей ощущения, что их дети не дотягивают до «нужного уровня».

Однако данные причины не всегда являются ошибками самого родителя, но могут быть следствием ошибок их собственных родителей, также причинявших им боль, в частности это отсутствие любви и принятия со стороны матери, что рассматривается А. Адлером и Э. Фроммом в качестве основной причины отсутствия любви родителей к своим детям [9].

Кроме того, по мнению Э. Фромма, можно также выделить три причины отсутствия совершенствования в любви:

1) большая часть людей смотрит на любовь с позиции «как быть любимым», а не «как любить»;

2) существует представление, что проблема в самой любви, а не в способности любить;

3) смешиваются понятия «влюбленность» и «состояние любви», в результате чего доминирует представление о том, что нет ничего легче любви, в то время как на практике это совсем иначе. Так как любовь, по Э.Фромму, это активная заинтересованность в жизни и развитии того, к кому мы испытываем это чувство, то там где нет активной заинтересованности, там нет любви [15, с. 42].

О.А. Карабанова [9, с. 121-124] в качестве причин нарушений (по ее утверждению, не до конца изученных) родительской любви отмечает:

- фрустрацию жизненно важных потребностей родителя в связи с воспитанием ребенка;

- мистификацию и искажение образа ребенка как результат проекции негативных качеств и приписывания их ребенку; идентификация ребенка с авersiveй личностью, вызывающей отвращение у родителя, и как следствие, перенос на него негативного эмоционального отношения;

- негативное эмоциональное отношение к ребенку как проявление посттравматического стресса;

- личностные особенности родителя (инфантильность, акцентуации характера, невротический тип личности, неадекватный тип привязанности самого родителя, эмоциональные расстройства);

- индивидуально-типологические особенности ребенка – «трудный темперамент», чрезмерное возбуждение, проблемы дисциплины, невнимательность, импульсивность, опосредующие формирование родительского отношения;

- низкая степень удовлетворенности браком и конфликтность в супружеских отношениях.

Следует отметить расхождение теологической и светской психологической терминологии в толковании привязанности. Так, в светской психологии данный термин трактуется как нейтральный, но в зависимости от вида привязанности может носить как позитивный, необходимый для конструктивного развития личности, так и негативный характер, в то время как в теологической литературе данный термин имеет исключительно негативную окраску и употребляется для обозначения искажений родительской любви или, точнее, деструктивной направленности отношений родителя к ребенку. В последнем значении родительская привязанность может быть проявлена в четырех видах [5, с. 49-61].

Первые два типа родительской привязанности (собственническая и амбициозная любовь) рассматривают детей как объекты

собственности. В первом случае поощряется глобальная зависимость ребенка от родителей, лишаящая его возможности стать взрослым и самостоятельным, а во втором дети используются как новый шанс для удовлетворения собственных амбиций, надежд, желаний и реализации мечты или упущенной родителями возможности.

Это приносит вред как самим родителям, так и детям. Ведь родители ставят проявления собственной любви к ребенку в зависимость от его поведения. А дети оказываются перед сложным выбором: жить во всем подыгрывая родителям, становясь не способным осознать собственные права и взять на себя ответственность, теряя индивидуальность, возможность своего выбора (супруга, профессии, каких-то увлечений, формы досуга), или же лишиться родительской любви.

Другие два типа родительской привязанности (так называемые соблазняющая любовь и «обмен ролями») отличает отношение к ребенку как к более старшему, чем он есть на самом деле. В первом случае это способствует растрелению детей, так как физический контакт, объятия и прикосновения, необходимые детям независимо от их возраста, как импульс для получения душевной поддержки и подкрепления телесных сил превращаются в средство удовлетворения нецеломудренных потребностей родителей, сознательно или бессознательно пытающихся получать тонкие или более грубые сексуальные ощущения от прикосновения к ребенку противоположного пола. Во втором – лишению чувства безопасности, и слишком раннему психологическому взрослению, которому способствуют преждевременные завышенные ожидания и требования к ребенку как источнику душевного равновесия, утешения, успокоения, поддержки, комфорта и любви для взрослого. Родители, выглядящие сами в данном случае как напуганные дети, пренебрегают нуждами собственных детей, не желая считаться с их реальной беспомощностью и ограниченностью возможностей и наказывая за то, что дети отказываются выполнять такую роль. Налицо непонимание, кто же такой ребенок и неуверенность в его ответной любви к ним.

В современной светской психологии [9] вслед за А. Адлером [1] принято разделять материнскую и отцовскую любовь как различающиеся по содержанию, природе, генезису и формам проявления, чему посвящены работы ряда как отечественных, так и зарубежных перинатальных психологов, исследователей психологии младенчества, «бондинга», создания и разрушения эмоциональных связей (привязанности в психологическом смысле),

Главным показателем искренней материнской любви исследователи Л.С. Льюис [11, с. 232], Э. Фромм [15, с. 197-198] считают желание отделения ребенка как самостоятельной личности,

преодоление материнского эгоизма на стадии, когда ребенок пытается отделиться от нее. Согласно А. Адлеру [1], любовь матери как любовь не только к ребенку, но и к мужу, другим детям или другим людям в целом (как образец широкого социального интереса) служит ролевой моделью для ребенка, усваивающего, что в мире существуют и другие значимые люди, а не только члены семьи.

Значение же любви отца рассматривается современными психологами как проекция отношения общества к личности, так как отцовская любовь как любовь обусловленная должна быть заслужена [15], что в то же время определяет и возможность ее потери и обретения в зависимости от усилий, приложенных самим человеком, и ее подконтрольность ему в отличие от материнской. Однако А. Адлер [1] подчеркивает необходимость позитивной отцовской установки по отношению к жене, работе и обществу и его сформированного социального интереса, который должен проявляться в отношениях с детьми.

Еще одно важное свойство отца, оказывающее влияние на социализацию и духовно-нравственное развитие ребенка, по мнению А. Адлера [1], Р. Кемпбелла [10] и игумена Евмения [5], – это заботливость и эмоциональная отзывчивость, способствующие правильной полоролевой идентификации мальчиков: у отца мужественного и при этом заботливого, способного проявлять участие к людям, сын вырастает похожим на него – с мужским характером, в то время как у черствых, сверхмаскулинных – женоподобным, что объясняется обращением сына к матери как эталону проявления эмоционально теплых отношений, в которых мальчики нуждаются не меньше девочек. Отсутствие заботливых и любящих отцов подвергает риску целые поколения мальчиков, недополучающих мужского участия и внимания, что может негативно отразиться на их становлении как личности, и обречь их на борьбу за власть и личное, а не социальное превосходство. Жизнь мальчика, не находящего мужского начала в доме, например воспитываемого только матерью, или, как отмечалось выше, черствым сверхмаскулинным отцом, как правило, формируется по двум сценариям. В первом случае мальчик станет зависимым от матери и женоподобным по своему складу, инфантильным, беспомощным, потому что мать неосознанно напоминает ему о его беспомощности и зависимости от нее. Во втором – когда мужское начало все-таки возьмет верх, он уйдет на улицу, найдя там более старшего и сильного лидера или, может быть, взрослого человека и став просто частью уличной среды. При этом второй выход для мальчика более позитивен, так как позволяет сохранить мужское начало, мужское достоинство, мужскую идентичность [5].

Кроме того, по данным современных исследований [2], у отцов, способных улавливать сигналы ребенка столь же чутко, как матери, посвящающие много времени заботам о грудном ребенке, устанавливаются с ним прочные отношения привязанности, и детям это приносит большую пользу: отцы, у которых установились сильные эмоциональные связи с грудными детьми, оказываются более чуткими к изменяющимся потребностям и интересам своих детей и когда они взрослеют. Такие отцы имеют большее влияние на свои детей, которые чаще прислушиваются к отцам и хотят походить на них благодаря установившимся между ними тесным, разнообразным отношениям. Однако деструктивная направленность отношений с ребенком, по мнению Т.В. Андреевой [2], скорее симптом скрытой переменной – отсутствия деятельной любви к своему ребенку (детям).

В работе психиатра и теолога Джеймса Шаллера «Потеря и обретение отца» [16] также исследована фундаментальная значимость для всей жизни любого человека (формирования его самосознания, выбора профессии, построения собственной семьи, а также для обретения веры в Бога) отношений ребенка с отцом. Дж. Шаллер приводит интереснейшие результаты исследований, основанные на изучении сведений из жизни известных в истории атеистов. Оказалось, что у многих выдающихся атеистов, активно опровергающих существование Бога и «разоблачающих» веру в Него, были «дефективные отцы»: агрессивные или слабые, или отсутствующие, или умершие. К числу этих знаменитостей относятся Вольтер, Людвиг Фейербах, Карл Маркс, Фридрих Ницше, Жан-Поль Сартр, Альберт Камю, Бертран Рассел, Зигмунд Фрейд и др.

Взрослые нередко, провозглашая одни принципы и руководствуясь в жизни совсем иными, насаждая свои жизненные программы, комплексы, убеждения вместо вселения в сердца детей надежды и любви, не передавая взрослеющим детям решимости, веры и воодушевления, необходимых для смелого движения в будущее, создают особую, лишаящую веры в себя и собственные силы психологическую атмосферу вокруг детей. И противостояние собственным родителям, выражающееся в различных «комплексах», является одной из болезненных личностных проблем многих людей [5, с. 177-178, 182].

Важно подчеркнуть, что опыт семейных взаимоотношений, в частности родительские предписания (как скрытое программирование), играет для ребенка важную роль не только в формировании его личности и жизненного сценария, он также является важнейшим фундаментом веры.

Так, предписание «Не делай» часто передается ребенку через искаженное трактование принципов послушания и подчинения воле

родителей. «Ты не должен делать то, что хочешь ты, а только то, что велят тебе родители, ведь они лучше тебя разбираются в жизни», и оборотная сторона этого посыла – «Ты слаб, глуп и беспомощен, а потому ничего не можешь решить правильно», – становятся основой для самооценки детей, которую они впоследствии переносят во взрослую жизнь. Типичная жизненная схема человека, воспитанного на основе предписания «Не делай», – стремление переложить ответственность за свою жизнь на чужие плечи, а жизненная пассивность проникает и в духовную сферу.

Предписание «Не будь» провоцирует появление очень сильной обиды на родителей за допущенную несправедливость, что либо развивает депрессию у этих людей, либо приводит к желанию выразить свой протест через неприемлемые формы поведения (как и в отношениях с родителями) – суицид, наркотики, алкоголь и т.д., либо заставляет человека уже во взрослой жизни вычеркнуть из своей жизни боль отвержения и жестокости со стороны родителей, отказавшись от них и одновременно от всего, что с ними связано. Он как бы вычеркивает их из своей жизни, говоря: «Я живу не благодаря вам, а вопреки».

Отношения, построенные на **предписании «Не будь значимым»**, высвечивают попытку ребенка привлечь к себе внимание родителей, попросить их о чем-нибудь как его главный «грех», накладывая, таким образом, как бы негласный запрет на прямые и личные отношения с родителями, что порождает у ребенка чувство покинутости и ненужности родителям, лишает не только ощущения собственной значимости в их глазах, но и ощущения безопасности как базовой потребности личности.

Предписание «Не будь ребенком», убивающее детскую непосредственность, наивность, веру в чудо, свободу от многих условностей, лишает и уже взрослого человека возможности иногда чувствовать себя ребенком, что необходимо для понимания потребностей собственных детей, способности быть с ними «на одной волне». Когда родители пытаются преждевременно сделать из ребенка взрослого человека, то он, откликаясь на их ожидания, как бы «отключает» в себе детские чувства и способы поведения. Стать взрослым в нашем обществе – это значит стать логичным, рациональным и во всем полагаться только на себя.

Предписание «Не взрослей», выражающее нежелание родителей, чтобы их сын или дочь становились взрослыми, создавали свои семьи и приумножали род человеческий, поддерживает зависимость детей от родителей. Другое жизненное следствие для человека, решившего оставаться ребенком и не взрослеть, – отказ от самореализации. Детство – это пора надежд. Мы надеемся, что когда ребенок вырастет, то

проявит лучшее из того, на что способен, реализует те таланты, которые у него есть и которые мы помогаем ему развивать. Но пока он маленький, мы от него чего-то большего не ждем.

Если человек воспринял от своих родителей предписание «Не взрослей», он продолжает оставаться ребенком всю свою жизнь, тем самым уклоняясь от служения и закрывая в землю свои таланты. И так как детская психология состоит больше в том, чтобы получать, чем отдавать, такой большой ребенок настроен на то, чтобы потреблять, ничего не предоставляя взамен. В других людях – супруге, начальнике, друзьях, он ищет прежде всего тех, кто всегда готов позаботиться о нем, решить за него его проблемы. Когда же подобного не происходит, он может обижаться на них, как на родителя, который недостаточно заботится о своих детях.

Предписание «Не будь успешным» программирует избегание успеха в любых областях (личные взаимоотношения, финансы, работа и др.), ибо достижение успеха означает потерю любви родителей. Люди, воспитанные данным предписанием, отказываются от социального успеха вынужденно. Не потому что они не хотят иметь много денег, хорошую работу и служебное положение, а потому что потерпели неудачу на этом поприще. При этом они обесценили все эти вещи, хотя в глубине души от них не отказались. Только вряд ли они признаются в этом сами себе.

Предписание «Не будь здоров» закладывает отношение к болезни как к главному способу получения любви и внимания. Для того чтобы быть любимым, такому человеку, необходимо быть больным, поэтому он неосознанно создает себе болезни. Болея, он, с одной стороны, страдает от недуга, с другой, – получает тайное удовлетворение от заботы и внимания близких, направленных на него. Таким образом, предписания, которые человек получил в детстве от своих родителей, становятся фундаментом его мировосприятия.

Данные предписания являются бытовым воплощением определенного типа семейного воспитания. Так, можно провести следующие параллели:

- предписания «Не делай», «Не будь», «Не будь успешным» соответствуют стилю семейного воспитания гиперпротекция (в классификации О.А. Карабановой) или авторитарному (в классификации Д. Баумринд и Э. Маккоби и в классификации Т. М. Трапезниковой);
- предписание «Не будь ребенком» – воспитанию по типу повышенной моральной ответственности или гиперсоциализирующему воспитанию (в классификации О.А. Карабановой);

- предписание «Не взрослей» – детоцентрическому стилю (в классификации Т. М. Трапезниковой);
- предписание «Не будь значимым» – эмоциональной дистанции (в классификации Т. М. Трапезниковой);
- предписание «Не будь здоровым» – воспитанию в культуре болезни (в классификации О.А. Карабановой).

Конечно же ребенок может по-разному обойтись с родительскими предписаниями. Например, он может просто не поверить предписаниям и отбросить их. Основанием для этого может служить, к примеру, осознание патологии передающего предписания («Моя мать сумасшедшая, и не важно, что она говорит») или встреча с другим человеком, кто оспаривает родительские предписания и вера в этого человека («Мои родители не верят в меня, но зато в меня верит мой учитель или тренер»). Но так бывает нечасто. И поскольку ребенок фундаментально зависит от родительской любви и расположения, зачастую, чтобы родители его любили, он вынужден соглашаться с их точкой зрения, с их предписаниями. На основе родительских предписаний он принимает неосознанные решения в отношении себя, своей жизни, окружающего мира, людей и взаимоотношений с ними. И эти решения могут носить патологический характер [5, с.130].

Подводя итог изложенному выше, можем утверждать, что на основе сопоставительного анализа теологических и психолого-педагогических исследований необходимым и достаточным условием для духовно-нравственного развития ребенка можно признать истинную родительскую любовь, имеющую деятельный характер и обеспечивающую удовлетворение всех уровней потребностей личности (начиная с духовной (глубинной и в то же время вершинной) потребности любить и быть любимым, конкретизирующейся в душевных (в чувстве безопасности и познании) и витальных).

Характерными признаками, выделяемыми в условиях метода включенного педагогического наблюдения в качестве диагностических, истинной родительской любви выступают две группы признаков: общие признаки свойственные любому виду зрелой любви, и специфические, характеризующие непосредственно родительскую любовь.

Так к первой группе мы относим:

- уважение к ребенку;
- знание его потребностей, интересов и стремлений;
- ответственность в свободе выбора заботы о нем;
- жертвенность как деятельная продуктивная направленность личности родителей;
- сохранение целостной индивидуальности личности родителей и ребенка;

- исключительность как уникальность — невозможность сравнения или замены любимого и самих отношений с ним;

Ко второй группе отнесем:

- безусловность, проявляемую в принятии ребенка таким, какой он есть;

- преодоление родителями собственного эгоизма, способного проявиться в негативных вариантах привязанности (в теологическом смысле);

- служение детям как забота о их личностном развитии по их собственной траектории.

Механизм же влияния родительской любви на духовно-нравственное развитие ребенка заключается в создании ситуации безусловного принятия личности ребенка, обеспечивающей конструктивность детско-родительских отношений, что в свою очередь способствует не только усвоению личностью общественных норм морали как лично значимых, но и непосредственному становлению внутренней иерархии собственных нравственных ценностей, уровень требований которых может многократно превосходить нормы морали и этики современного общества, и опосредованному нравственным возрастанием духовному росту ребенка.

Список литературы

1. Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии. М., 1990.
2. Андреева Т.В. Психология семьи. СПб.: Речь, 2010.
3. Анисимов В.П., Сметанина А.Ю., Арт-педагогическое сопровождение духовно-нравственного развития личности: монография. Тверь: Изд-во Твер. гос. ун-та, 2008. 280 с.
4. Гиппенрейтер Ю.Б. Общаться с ребенком. Как? М.: АСТ, 2014.
5. Евмений, игумен. Аномалии родительской любви. 2-е изд. Решма, Изд-во Свет Православия, 2009.
6. Зарецкая А.Ю. Любовь как категория светской и религиозной педагогики // Взаимодействие светской и религиозной культуры: матер. междунар. науч.-практ. конф. (11-12 декабря 2013 г. Пюхтицкий Успенский ставропигиальный женский монастырь, Эстония). Куремяэ, Эстония 2012. С. 36-40
7. Зарецкая А.Ю. Современная гуманистическая педагогика и святоотеческая традиция: консолидация перед лицом современных вызовов // Диалог педагогических традиций православия и современного образования: проблема формирования личности: матер. междунар. науч.-практ. конф. (11-12 декабря 2013 г. Пюхтицкий Успенский ставропигиальный женский монастырь, Эстония). Куремяэ, Эстония, 2013. С. 45-50
8. Каледа Глеб, прот., проф. Домашняя церковь. Очерки духовно-нравственных основ созидания и построения семьи в современных условиях. М., Изд-во Зачатьевского монастыря, 2001.

9. Карабанова О.А. Психология семейных отношений и основы семейной консультирования: учеб. пособие. М.: Гардарики, 2007.
10. Кемпбелл Р. Как по-настоящему любить своего ребенка. СПб.: Мирт, 1995.
11. Льюис К.С. Просто христианство. Любовь // собр. соч.: в 8 т. Т.1/ пер. с англ. Н. Трауберг и др. М.: Фонд о.Александра Меня; Дом надежды, 2006. 304 с.
12. Маслоу А. Мотивация и личность. 3-е изд. / пер. с англ. СПб.: Питер, 2008. (Серия «Мастера психологии»)
13. Сатир В. Как строить себя и свою семью. М., 1992.
14. Спиваковская А.С. Психотерапия: игра, детство, семья / М.: ООО Апрель Пресс, ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1999. Т.2. 464с. (Серия «Психология XX в»)
15. Фромм Э. Искусство любви. Исследование природы любви. М., 1990.
16. Шаллер Дж. Потеря и обретение отца [электронный ресурс]. URL: <http://vibiri.wordpress.com/2009/10/20/джеймс-л-шаллер-потеря-и-обретение-отца/>

**A PARENTAL LOVE AS FACTOR
SPIRITUAL AND MORAL DEVELOPMENT OF THE CHILD
IN SECULAR PSYCHOLOGICAL AND THEOLOGICAL SCIENCE**

A.U. Zareckaya

Tver State University

This article analyzes the impact of parental love, which acts as the main criterion by far and abnormal types of parental affection to the children focus on the spiritual and moral development of the child, as well as reveals the psychological mechanism of this influence.

Keywords: *Parental love, unconditional love, anomalies of parental love, spiritual and moral development of the child's personality.*

Об авторе

ЗАРЕЦКАЯ Алена Юрьевна – кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры дошкольной педагогики и психологии, ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет» (170100, г.Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: onichkas@mail.ru